

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Игорь Коваль

Афганская боль, или Перевод с узбекского

Для меня эта война не закончится никогда...

Игорь Коваль

**Афганская боль, или
Перевод с узбекского**

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Коваль И.

Афганская боль, или Перевод с узбекского / И. Коваль —
«ЛитРес: Самиздат», 2011

ISBN 978-5-532-98390-8

Любая война оставляет неизгладимый след на душах людей, и их телах. Вот и по мне афганская эпопея проехала своим катком по полной... В этой книге рассказы и эссе о людях и войне, о том, что остается в памяти...Автор проходил срочную службу в составе 56й ОДШБр, 40-й Армии в ДРА, провинция Пактия. Был тяжело ранен. Выбрав военный путь и потом, И.Коваль прошел многими военными дорогами, но в этой книге речь идет о тех первых пережитых чувствах на войне...Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98390-8

© Коваль И., 2011
© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

Пролог...	5
Афганская боль, или Перевод с узбекского... (1999)	6
Из воспоминаний...	6
Про ангелов	8
«Марина...»	9
Войнушка...	10
Измененное сознание...	12
Коран...	17
Коридор и Танкист...	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Коваль

Афганская боль, или Перевод с узбекского

Пролог...

Уважаемый читатель, книга является сборником и состоит из отдельных рассказов-эссе, которые так или иначе повествуют о сложном периоде Афганской войны, ее переломном этапе борьбы Правительства ДРА с вооруженной оппозицией, которую поддерживали США. СССР в свою очередь в 1979-м году, встав на сторону решений «саурской революции» (апреле 1978 года) и всячески помогая народам Афганистана, по просьбе лидеров НДПА ввел в страну особый ограниченный контингент. Предполагалось, что советские войны пробудут в стране от 3 до 6 месяцев помогая новому режиму под управлением НДПА в борьбе с «контрреволюционными организациями и интервентами» из Пакистана. Но этот поход затянулся почти на 10 лет по ряду причин. Несколько поколений советских молодых людей прошли через нее, почти пятнадцать тысяч были зачислены в списки невозвратных потерь, около 600 тысяч вернулись в Союз грузом 300. Так маркировались тяжелораненые. И только в феврале 1989-го года 40-я Армия ВС Советского Союза, так называемый «ОКСВА», по международному соглашению покинула территорию ДРА и для матерей всего СССР наступили годы спокойствия.

Особенность книги заключается в том, что в рассказах сама война упоминается исключительно фоном, главная задача автора передать свои мысли о пережитом, показать краски и особенности Востока, и рассказать, как выглядит одна из самых умалчиваемых и страшных войн глазами вчерашних школьников.

Афганская боль, или Перевод с узбекского... (1999)

Из воспоминаний...

Каждый раз вспоминая именно те суровые годы моей опаленной войной юности (а суровые годы были всю мою жизнь), я думаю о случайных, но при этом счастливых совпадениях ряда событий, не позволившим мне раньше времени уйти в вечность (выйти в военный тираж), и о людях, которые по явню по Божьей воле, возникали на моем, пожалуй, трудном пути домой ...

Страшно подумать, не окажись их рядом, в бою, в санчасти, на операционном столе, что ничего бы и не было дальше...

Хорошие строки

"...Кричали мы от боли,
На койках медсанбата.
Но все-таки по-доброму,
Мы помним, наш Афган..."

(рис.) Военный госпиталь г. Ташкент

Не знаю, могу ли я безоговорочно подписаться под этими строками – и да, и нет. Из воспоминаний хочется помнить всегда только хорошее – так устроена память человека. Даже, наверное, не ошибусь если скажу – так устроено все живое на Земле.

С годами стираются лица, имена участников тех событий – словно они становятся некими фантомами из уже несуществующего мира прошлого, но приходящие внезапно, вдруг, в особенности в минуты жизненных переживаний и психологических надломов, которые принято

называть в этом мире депрессиями. Все соединяется в памяти в один огромный хоровод, а точнее строй, и те, кто погиб..., и те, кто выжил. Путаются названия мест, литеры подразделений, имена товарищей, позывные связи, да и самих событий – такова наша память. Только боль никогда не проходит, оставаясь навсегда. И еще она имеет свойство возвращаться, даже если дала некую надежду...

Ее величество "Боль" – коварная и жестокая тетка. Родная сестра смерти, только с еще худшим характером и камуфлированной внешностью, от того еще более коварная. Борьбу с ней каждый ведет один на один, стиснув зубы и крича про себя, кто только по ночам, а кто и днем. Для кого-то боль стала сестрой по жизни, сестрой с дурным характером, но к которому ты привыкаешь и не ждешь от этой паскуды ничего хорошего. А раз не ждешь, то и сделать она тебе более ничего не может – ты для нее больше неуязвим. Но каждый раз нужно побеждать, вышибать ее из своего окопа, чтобы завтра вступить с ней снова в смертельную схватку. И так каждый день, день за днем, год за годом ... Это и есть настоящая "Война". Вещь страшная и невидимая для окружающих.

340 ВГ КТУРКВО Ташкент, военно-медицинский персонал (конец 80-х)

Там за туманом реки, за той речкой, про которую знает каждый «бача-шурави», остались навсегда и первый бой, и засады, и страшный ком горечи в горле от потери товарища, и все обиды. Колонны на Саланге, проклятая «Мухамедка», духовская «фенька», кровь друга на щеке и хэбэхе, после выноса его с поля боя, и боевая дрожь во всем теле, которая отпускает тебя достаточно долго, протягивая холодной дробью вдоль позвоночника – это все там. Хотя и отпечаталось, и осталось навсегда у тебя в голове...

Вспоминается боль. Именно боль, своя и чужая, но которую ты переносил неоднократно, и которая в конце концов настигла тебя серьезно. С нею тебе пришлось вступить в коварную драку, и ты, словно окруженный целым отрядом "духов", без всякой надежды на подкрепление, ведешь свой отчаянный бой. Боль и злоба...

Про ангелов

Хорошо, когда все хорошо кончается. Твой ангел хранитель делает так, что на пути твоём встречаются добрые люди, даже там, где казалось добру, нет места. Вовремя приходит транспорт, ты оказываешься в самолёте, этот самолёт благополучно долетает, и в конце концов из госпиталя тебя не отфутболивают, как продырявленный мячик.

И ещё есть врач, который спасает.

Ангелы...

Ангелы, как говорят – они же ведь на небесах. А небеса – это далеко. А мы тут – на земле. И все это увязать в одну цепочку порой не под силу "Небесному Отцу". Потому, как должно быть ещё связующее звено между этими событиями – иначе все рушится, как карточный домик. Ангелы, как показывает практика, они ж тоже люди.

Неравный "бой" с невидимым врагом, в полном окружении и темноте, где каждый выстрел беззвучен, словно из ствола с ПБСом, но меток и разрушителен, как из духовского "бура" – можно выиграть. Подкрепление все же приходит...

«Марина...»

Она и была этим связующим звеном. Этой спасительной нитью, соединяющей миры – кошмара, человеческого отчаяния и цинизма с будущим.

Она обещала и пришла.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Она улыбнулась.

–... зовут все Марина.

– ...Не понял.

– Это по-русски...

–В переводе? ...

– Ну, типа того... У меня отец узбек, мама русская...

– Ну, а что означает твое имя на твоём языке?

– Цветущая весенняя вишня ...

Войнушка...

Враг, как нам казалось ранее, не имел особой возможности противостоять мощной Советской Армии. Но мы заблуждались. Он совершенно был не прост. К этому времени (1984 год) «душье» имело серьезный опыт войны и умело воевать даже с таким серьезным противником, который располагает всеми силами и средствами современного вида. И тут было дело даже не в поставках вооружения моджахедам странами НАТО, вернее не только в этом. Главным показным козырем основных вооруженных формирований оппозиционных сил был факт отсутствия страха перед мощью нашего контингента, перед всеми нашими самолетами, танками и ракетами. Это отсутствие страха они словно бы культивировали (не без помощи партнеров из-за океана) в своем сознании, тем самым привлекая в свои ряды все новые и новые силы.

Вот и в этот раз, эти самые силы они стали сосредотачивать в одном кишлаке, пытаясь выстроить в ближайшее время целую систему опорных пунктов обороны, чтобы отвоевывать крупные населенные пункты – опыт Хоста им не давал покоя. Ну, а собственно, наша бригада и находилась в этой провинции, чтобы не позволять душманам этого делать, ведь пакистанская граница совсем рядом, а значит «Пешаварская семерка» в лице деятелей Юнуса и Абдул Хака с их нукерами, будут постоянно проверять нас на прочность. Да и Хекматияр тоже тут рядом вершит свои делишки. К 1984 году его банда разрослась и насчитывала 12 тысяч штыков, не говоря о деятельной агентурной разведке ИПА, которая работала везде и не хило.

Высадка разведроты в районе Алихейля. ДРА – 1984 год

Здесь в Афганистане существовал такой внутренний термин у нас у солдат – идти на войнушку. Вроде ты уже на войне, для всех кто в Союзе остался, но оказывается есть в этом своя изюминка. Ходить на боевые это значит быть в особой касте и жить совершенно иначе от устоявшихся солдатских законов.

Пактия это для нас очень сложный участок Афгана, из-за близости Пакистанской зоны племен (ПЗП), где располагались все лагеря оппозиционеров. Ну и совершенно удобный для планов басмачей, для их боевого взаимодействия с соседними регионами, которого допустить было ни в коем случае нельзя.

В тот день нашей роте и 4-му ДШБ была поставлена задача блокировать и уничтожить одну из банд этих кренделей. Нашей подгруппе предстояло практически с ходу, преодолев ручей с северной стороны кишлака, ворваться на возвышенность вместе с бронегруппой. Это действие нужно было совершить у одной из типичных пуштунских крепостей, и закрепившись там, обеспечить при необходимости быстрый прицельно-плотный огонь по противнику, дабы не дать ему опомниться и как-то организованно воевать с нашими атакующими порядками. Вот только не учли наши командиры, что воюем мы уже с врагом понимающим, хитрым, коварным, далеко не новичком и в тактике, и в стратегии. Духи были любители мастерить всякие «бабахи» на дорогах, и в минной войне они были, пожалуй, на уровне. Инженерной подготовке, защите своих укрепленных районов, у воинов аллаха уделялось большое значение. Не взяли в расчет мы эту окраинную дувал-крепость, и поплатились.

Вышла ситуевина хреновая. Подрывов было два, и один из них направленного действия, поверх брони, как раз по пехоте!

Шибануло так, что казалось, рухнул мир со всем тем, что в нем есть. Разбросало. Небо смешалось с землей, а все остальное поменялось местами со всем чем можно! Ад, если его и возможно представить, то это именно он вырвался в тот день наружу, и всему до этого момента существующему бытию пришел конец. Отдельная тема звуки... Они стали странными, похожими на завывания доисторического ящура, погруженного под воду. Потом вообще все пропало. Быстро, словно и не было ничего.

Свет появился внезапно. А вместе с ним дикая тупая боль, не понятно откуда идущая. Свет вокруг и странные видения в ярко красной рамке с размытыми контурами людей и абсолютно чужим пейзажем. Грунтовка с примыкающими склонами, кустарники, пыль. В глазах, почему-то, какие-то телеграфные столбы маячат. Вот сейчас за поворотом покажется мой дом. ... Я дома?!

Но нет – не складываются пазлы. Нет с детства знакомого и привычного леса, что за большаком, нет ничего родного. Что-то не то, совсем не то. Может быть юг? Это возможно. Крым? Кавказ?

Сознание стало производить более четкие контуры чужой природы. Вот какой-то склон, не то горы, не то сопки, кусок дороги с тщедушным пыльным кустарником, что-то горит в небольшом овражке черным ядовитым дымом. Внезапно загромождая все это, появляется лицо злого человека, перепачканного кровью. Почему-то сразу понятно – кровь не его. Оно огромное, не влезющее в кровавую рамку, которая пытается заслонить и без того маленький видимый мир, но не "чужое" – "свое". Только невозможно вспомнить кто это? То ли взводный, то ли еще кто-то. Он открывает рот, что-то кричит, но ни черта не слышно. Кино, но кино немое, без звука. Только жуткий писк в ушах.

Чего он хочет? Он не дает мне идти? Но почему?

Я хочу вырваться из его страшно сильных рук, которые все пытаются меня остановить. Мне нужно идти... двигаться. Впереди дорога... Где мой автомат? ...

Дорога. Дорога куда-то манит. Куда она идет?

Измененное сознание...

...Пыльная грунтовка уходила к селению с совершенно чужим именем. Глиняно-соломенные домики, словно термитники огромных муравьев, нависали друг над другом и прятались у подножия враждебных и злых предгорий. Она убежала из-под ног, словно эскалатор на станции метро, когда с классом ехали на экскурсию в "Политех", и разматывалась мимо раскиданного в низине кишлака, и еще дальше, туда, к сухому ручью. Жара... Душно и хреново. Но вот и речка, несущая хоть какую-то свежесть. Умыться бы. Но вперед уходила "духовская" тропа и подсознательно было понятно, что опасность, где-то рядом. Оттуда, со стороны ущелья, они и приходят...

Сознание постепенно стало склеивать куски матрицы, стараясь устранить временных "пришельцев" прочь – обратно, чтобы вернуть настоящее время, собрать его, словно разбитую кем-то вазу.

Но к чему какие-то телеграфные столбы? Откуда они здесь? Ага...идет колонна из Кабула в Гардез? Полная каша в голове.

Куски реальности не склеивались вместе, словно невидимый оператор крутит плохое кино. Вертит адскую ручку, и эти проклятые столбы все бегут, бегут – все быстрее ... и быстрее. Словно едешь на поезде без конечной станции и цели.

Почему столбы?

Тошнота. Встал. Получилось. Но не понятно, что вокруг. Не чувствую ноги, но и боли не чувствую тоже. Упал. То ли свалили специально.

– Анохин, жгут давай!!!

–Тренчиком, тренчиком! ...

Голоса затихли, и сковывающий озноб вскоре тоже ушел, все-таки дурманящая сила промедола это вещь...

В самолете...

Вонючие "таблетки" (машина санчасти) и кабульский госпиталь остались, слава Богу, в прошлом. Из Кундуза уже брали курс на Ташкент.

Чрево самолета было набито людьми, словно брюхо летающего животного, съеденными трофеями. Мерцающая где-то под потолком фюзеляжа лампочка была по глазам и заставляла зажмуриваться. Но через какое-то время держать глаза закрытыми становилось нелегко – это было труднее самой тяжелой работы. В голове давило изнутри, стараясь выдавить эти глаза, словно не нужные клапана. Дюралевый борт издавал стонущие звуки, разрезая чужое пространство, а кислый запах бинтов и крови перемешался с затхлым запахом керосина.

Почему-то вспомнились летние вечера у бабушки в деревни, когда в ливень отключали свет, и мы сидели у керосиновой лампы, и бабушка рассказывала, как воевать и после войны мой отец, с его братом, так и учились – у керосинки, если не успевали в световой день. А как там успеешь – по хозяйству нужно помогать. Деда то нет. В смысле их отца – Война.

Наверное, тогда в моем детстве, был тот же запах ... только боли, этой жуткой боли не было. Было хорошо. Боль ассоциировалась тогда только с зубными кабинетами и разбитыми коленками при падении с "велика". В детстве то...

Какой-то страшной чертой перечеркнули это детство и уже никогда туда не вернуться...

Да, там не было боли. Такой, не было.

А сейчас – жутко больно...

Прилетели ночью. Посадка отдалась тупым ударом в голову. Снова затошнило, вырвало. Кто-то бросил, какую-то тряпку. Не до этого. Так хреново, что готов жрать собственную блевотину.

Дальше туман и только голоса связывают с миром...

– Бумаги давай, сопроводилковку...зови санитаров! ...
– Этот ходит?!
– Одна нога есть, значит ходит...
– Давай обожженных тащи ...
– Эй, паря, сам дойдешь? Давай ... веселее...не хрена валяться...
Лампы мерцают и все плывет. Невозможно рассмотреть лица.
– Плохо мне...– шепчу я, стараясь унять головную боль,– Мутит...
– Укачало ш-ш-толь...А, хлопец? Давай подымайся... тут не курорт тебе... Что ты, как баба...

– Ты что не видишь Синичкин ... (какая-то птичья фамилия) контуженый он к тому же...
Кто-то плачет навзрыд, где-то в уголке. А кто-то матерится, как сапожник. Я не могу делать ни того, ни другого – все отдается в голове.

– Мамедов, вы б сначала с больными разобрались, а потом ...будете «ящики» ... таскать...

– Ну, а кто ж этих то грузить будет?
– Энти подождут... ишь ты... "энти" ...

«Ящики» и «Больные»

"Ящики" ... – высшая форма человеческого цинизма. И это, к сожалению, нормально здесь. "Ящики" – это то, что еще недавно было людьми, со своими мыслями, прошлым... Вот только будущего у них уже не будет. Будущее есть только у ящика... У него даже имя есть – "Груз двести". И номер.

"Больные" ... Такое впечатление, что это слово-перевертыш специально вставлено в обиход медперсонала. Конечно же, все тут больные – вот только болезнь одна и та же, но с разными последствиями. И имя ей, которого все избегают – война.

На носилках только снесли вниз. До "буханки" пришлось добираться пешком самому. Еще тащить свой "узелок" с пожитками. Мой кабульский костыль потерялся, дали, чей-то другой, причем хороший, даже с этикеткой. С тем старым – трое умерло. Так говорят, шутят. Но в подобной ситуации звучит не смешно. Помогли дойти, запихнули в какую-то машину. Нога с толстым лангетом заняла много места в проходе внутри и ее всячески пытались сдвинуть, кому не лень. От боли я прикусил язык, но молчал. От нервного припадка спасала мысль, что скоро все кончится.

– Мне бы ... укол...– попросил я у оказавшегося рядом со мной санитаря.
– Наркоман ш-ш-ш-то ль? Подсел за речкой? Щас-с-с ... доедем, всадыт тебе.

Санитаришка говорил, на каком-то чуждом шакающем "диалекте" и был настолько циничным и грубым, что казалось мир добра, куда-то пропал безвозвратно. Полное ощущение собственной беспомощности и ненужности. Вспоминается фраза, кинутая кем-то из персонала: "...С двухсотыми меньше мороки...". Оно и верно... Им все равно – "шокаладкой" доставят на "сборный пункт" или "ящиком". По барабану. Им не смотреть в эти гнусные пропитые рожи "менял", которые каким-то образом также оформляют себе боевые, за вредную работу. Армии такой материал, в который превратились мы (а им тут все было набито до отказа до нас), был уже не нужен. Морока одна. Потому веяло тут везде презрением и жалостью. Никакого добра, ни малейшего. «Содержимое борта», прилетевшего за час до нас из Джалилабада, вообще не приняли – отправили борт в Самарканд в инфекционку. Ты либо должен быть в строю, либо ... не мешать. Почести только убитым, ой извините... "умершим", – доставят домой бесплатно.

– Слышь землячок... давай махаться "хэбэхой", тебе то один хер ... какая разница...пижаму дадут... Вшей нету?

Я постарался увидеть лицо этого человека. Но не вышло – было темно и здоровье мое не позволяло адекватно вести себя, а главное ответить. Помнится, я что-то промычал в ответ, и чужая хваткая рука стала снимать с меня куртку. Взамен дали, какое-то потное тряпье.

– Слышь... ничего не везешь? Вас же не шмонали...

Я медленно помотал перевязанной головой. В этот момент, представляю, я, наверное, был похож на беспомощного тупого барана на заклании, от чего горький ком подошел к горлу. Бессильная злоба – что может быть хуже этого чувства. Даже боль отступает, на какой-то момент. Но ненадолго.

– Может ганджубас есть?

Это сейчас «травя» известна всем. В то время широту познания в этой области имели только азиатские народы СССР (национальная составляющая) и вернувшиеся из Афганистана советские солдаты. Наркотики: "чарлз", "ганджубас", "план", "анаша" или по латыни "канабис" – ходили тут везде и являлись, по сути, ходовой валютой у огромной части населения. Я уже не говорю про национальную "жвачку" насвэй. Травой затаривались и дембеля, и раненые, и "транзитники". Кто-то украдкой вывозил из-за речки "афганку" сам лично, и она здесь особенно ценилась. Дело было в особенностях афганского «производства» дурман-травы, так называемого гашиша. Узбекские дельцы использовали закордонный «бренд» в своих криминальных биржевых играх, чтобы придать товару разницу в цене и заработать. Срубить на ровном месте хороший куш помогали и местные правоохранители, которые в свою очередь крышевались группой КГБ. Короче, как в песне: "Ах... таджикский план... душистый план... идет караван....".

Восемьдесят процентов личного состава контингента, там и здесь, сидело на легких наркотиках. Рядовой и сержантский состав в особенности. Командиры – прапора и даже офицеры, не исключение. Во всяком случае, уж попробовали травку все. Даже кто не увлекался сам, держал ее как валюту. Приграничные районы с ДРА УзбССР, ТаджССР, ТуркССР были по уши втянуты в торговлю наркотой. Местные бабаи держали все крепко, и могу сказать, что даже наши погранцы испачкались в подобных делишках. Не солдаты конечно..., если только по мелочевке. В провинциях Кундуз, Бадгис, Балх, Бадахшан, Герат, работали группы спецназа КГБ по выявлению контрабандных путей. В Иране за караван с наркотой при взятии полагалась смертная казнь, всех косили под чистую, прямо не отходя от кассы. Потому и шли караваны с героином через Союз, точнее через союзные республики. У них там все решалось полюбовно. Вот тебе и война... Мутные дела – одним словом. Тогда-то вся эта вакханалия и началась. Тот же идол афганских повстанцев (как принято сейчас их называть) Ахмат Шах, сколотил свою армию на бабки не столько от драгоценных камней, сколько на "белых" караванах.

Дорога на госпитальную койку и какой-то Офицер...

... Я этого гада уже не слышал. Горечь сковала горло окончательно. Это жрешь в бессилии свои слезы. Глотаешь их вместе с соплями, и зубы стискиваешь покрепче, что остались после подрыва. Еще что остается – кивать гривой, словно ишак. Кто знал тогда, что этот опыт стирать зубы от гнева в порошок и пережевывать все внутри себя, еще не раз пригодится в жизни. Больше даже, чем умение выживать в бою.

Вспомнилась тут же бабушка, мать, отец... Не скрою, хотелось завывать в голос. Заорать – заберите меня из этого ада!!! Скорее!!! Пусть все это кончится, и я проснусь... Я хочу домой!

Всегда, когда плохо мы именно их вспоминаем, родителей... Думаю так все...

При "высадке" из госпитальной "буханки-таблетки" на месте возле рынка был хаос. Мне еще повезло, что я попал именно в такую "маршрутку". Народ подвозили на армейских грузовиках. Брезентовая "шишига" была всего одна, остальные просто борта. Как во время той... Войны...

Я рухнул, возле сложенных на асфальте у клумбы мешков, не в силах больше держаться на ногах. Нужно было передохнуть. Нога затекла и гудела, словно к ней подключили 380 вольт. Сознание затуманилось. Какой-то офицер, что-то орал мне в ухо, видимо стараясь убрать меня с этой поклажи – но мне в тот момент все было "одинаково". Хотелось умереть. Все его выкрики про "Устав", про мою "оборзевшесть", казались детским лепетом в этом кошмаре и суматохе, а он сам нервным ребенком у которого отняли игрушку. Несколько воинов "аллаха" бегали туда-сюда, перетаскивая эти мешки, куда-то дальше, и пытались даже вытащить один и из-под меня. Да так осторожно, словно боялись меня потревожить или причинить какой ущерб. Наверное, действительно боялись, не смотря на мой жалкий вид, из-за торчащей в разрезе ушитой и замшелой "хэбэхи" тельняшки.

– Это ваш ш-ш-то ля борзота?

– Да, да... за носилками бегали товарищ капитан... Наш...

– Забирайте... распиздя... не то контужу...(любимая армейская присказка).

– Он уже... того... контуженный...

– До хрена привезли...

– Да не мало...

– Когда ж это блядство кончится...

Что имел ввиду этот капитан для меня остается до сих пор загадкой. То ли он уже тогда ратовал за прекращение войны и его все же волновала участь раненых, то ли наоборот, его реплика означала – "Везли бы в другое место – это дерьмо... И так тесно".

Оказалось, за мной пришел "дуст", "санитар-меняло", с которым я имел "честь" ехать в одной машине. Он выбил носилки и привел помощников.

– Ну, ты чего герой рухнул то, щ-щ-а-с занесем тебе ... Бойцы ко мне!

Два воина "ислама" подбежали, загрузили меня и потащили мои носилки.

– За "душегрейку" то спасибо, доставят бойцы... куда надо то... Тельник, то не сменяешь?

Я собрался с силами. Постарался, что говорится, из последних сил – и глянул на него так, что он замолчал. Мы поняли друг друга. И особенно он. Вопрос сразу же снялся сам собой. "Дуст" видимо никогда не перегибал палку – наверное, уже знал нашего брата.

– Давай "соляра" неси десантуру... поплавнее ...

Это он на солдатиков этих, таджикских или узбекских. А сам то, кто?

Меня пронесли мимо дежурных, офицера и прапорщика. Мордатый прапор в накинутом поверх "афганки" белым халате, который так бросался в глаза своей белизной в нарастающем утре грязных бинтов и крови, что-то писал в журнал. Офицер безучастно курил.

– Гляжу, работаешь Максимов ... не покладая рук, ... ох трибунал по тебе плачет, – выпалил "кусок", не отрываясь от своей писанины.

– Так точно .... икитыч...

– Какой я тебе, твою мать...икитыч. Устав забыл? Так я ж тебе напомним... Шо тама... покажь.

– Виноват товарищ .....щик .....– выпалил на одном дыхании мой "дуст" Максимов, глотая слюги, уткнувшись вплотную в своего непосредственного начальника, и быстро, что-то сунул тому под халат.

Коран...

Позже выяснилась причина такой заботливости обо мне этой тыловой сволочи. Он просто обшарил мой нехитрый скарб и выгреб практически все, даже фотокарточки моей зазнобы с гражданской жизни вместе с рисунками. Я уж не говорю про маленький Коран в старинном переплете, который мне подогнал мой дружба́н Димон из руховского 2-го отдельного батальона "спецназа", когда были в Гардесе и сдавали пленных духов в "ХАД" после каравана.

– Держи бачА, пригодится, – сказал он мне.

– На хрен ж он мне. Я ж не этот... не правоверный...

– Дурак ты батенька. Это ж бабок стоит в союзе... В Ташкенте такую котлету отвалят..., если конечно таможня не отберет. Дефицит – это сейчас там... А этот гляди, в переплете и камушками обсыпан. А камушки то, лазуриты мой друг... крошка, но денег стоят. Оклад чистое серебро. Так, что мало ли что в житухе нашей блядской, всегда выручит. А вера тут ни при чём. Тут аллах всему голова. Второй такой вижу в жизни, так что за бакшиши благодарить на Востоке принято... Кстати с "рулями" можно переправить или вольнонаемным продать. Они мастаки все провозить. Дадут меньше, но зато без проблем.

Так и "ушла" моя трофейная священная книга ценою в носилки и тяговую силу из двух солдат узбеков. Не вышло нажиться. Видимо, строг аллах к грешникам то. И неважно веришь ты в него или нет.

Коридор и Танкист...

Мест не было. Всех свалили в коридоре. Меня "кинули" рядом с обгорелым танкистом из Пули-Чархи. Почему знал, что оттуда? У ожогового какого-то времени идет активная фаза жизнедеятельности, это видимо шоковая реакция организма на огромное поражение тканей. Смотришь, и не верится, что человек практически сгоревший, а разговаривает и к тому же информативно. Может быть, это и есть бредовое состояние, но именно в этом бреде он и поведал о себе. Я еще подумал, вроде 'труба' парню, а чувствует лучше меня. Экскурс проводит, про природу местности и диковинный животный мир говорит. Даже гиену описывал. Не знал я, что такое бывает перед смертью. Бредил, пока не укололи его. Семьдесят процентов кожи – это конечно же приговор. Не понятно, как он еще до Ташкента дотянул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.